

А. Г. Гродецкая

Где учился, кем служил Илья Ильич Обломов и кто такая Милитриса Кирбитьевна...

«Художественное явление живо, пока оно непонятно, пока оно удивляет», — писал в 1922 году в предисловии к книге «Молодой Толстой» Б. М. Эйхенбаум.¹ В живом художественном явлении, каковым несомненно остается не перестающий удивлять читателя роман Гончарова, далеко не все однозначно объяснимо. Речь, разумеется, не об онтологическом конфликте покоя — движения, созерцательности — деятельности, речь о другом. В романе «темными» остаются отдельные локальные мотивы, и их неясность, неотчетливость привнесена в повествование намеренно, что становится очевидным, если проследить развитие этих мотивов от рукописи к окончательному тексту. Подобная преднамеренная неконкретность и смысловая релятивность в целом характерны для поэтики Гончарова. Функции таких мотивов и ситуаций различны, однако для типологизирующего метода романиста, а Гончаров прежде всего художник-типолог,² и для создания эффекта вневременной жизненности текста они имеют немалое значение.

Где учился Илья Ильич? Вопрос этот далеко не третьестепенный. Обломов, как мы помним, вместе с Андреем Штольцем в отрочестве

¹ Эйхенбаум Б. М. Молодой Толстой. Пб.; Берлин, 1922. С. 8.

² «Как художник-типолог по преимуществу Гончаров не имеет себе равных в западноевропейских литературах XIX века, а в отечественной сопоставим, пожалуй, лишь с творцом „Мертвых душ“ и автором „Анны Карениной“» (Недзвецкий. С. 132).

проходил обучение «в селе Верхлёве, верстах в пяти от Обломовки, у тамошнего управляющего, немца Штольца, который завел небольшой пансион для детей окрестных дворян» (с. 119). Позднее обоих пансионеров родители отправили получать образование в Москву. Штольца — в Московский университет, выпускником которого, не просто успешным, но, можно сказать, идеальным, он и предстает в романе. Указания в тексте на его университетское образование определены, конкретны и содержательно исключительно значимы. «Штолец, — читаем в романе, — был немец только вполовину, по отцу; мать его была русская; веру он исповедовал православную; природная речь его была русская: он учился ей у матери и из книг, в *университетской аудитории* и в играх с деревенскими мальчишками, в толках с их отцами и на московских базарах» (с. 153; курсив здесь и ниже мой. — А. Г.). Отправляя Андрея в Московский университет, Иван Богданович Штолец не предполагал «переворота» в судьбе сына: «Он был в университете и решил, что сын его должен быть также там, — нужды нет, что это будет уже не немецкий университет, нужды нет, что *университет русский* должен будет произвести переворот в жизни его сына и далеко отвести от той колеи, которую мысленно проложил отец в жизни сына» (с. 159). Однако «университета русского» пытливому студенту Андрею Штольцу оказалось мало. Вкусив «нашей премудрости», он, как будто с целью гармонизации русского и немецкого начал в собственной образовательной программе, «смирненно сидел на студенческих скамьях в Бонне, Иене, в Эрлангене» (с. 182), то есть в университетских аудиториях Германии, впрочем, не самых известных и знаменитых.

Об Илье же Ильиче в романе сказано буквально следующее: «...он учился, как и другие, как все, то есть до пятнадцати лет в пансионе; потом старики Обломовы, после долгой борьбы, решились послать Илюшу в Москву, где он волей-неволей проследил курс наук до конца» (с. 61). И далее, о завершении обломовского образования: «То число, в которое он выслушал последнюю лекцию, и было геркулесовыми столпами его учености. Начальник заведения подписью своею на аттестате <...> провел черту, за которую герой наш не считал уже нужным простираť свои ученые стремления. Голова его представляла сложный архив мертвых дел, лиц, эпох, цифр, религий, ничем не связанных политико-экономических, математических или других истин, задач, положений и т. п. <...> Он учился всем существующим и давно не существующим правам, прошел курс и практического судопроизводства...». Однако, когда «понадобилось написать бумагу в полицию, он взял лист бумаги, перо, думал, думал, да и послал за писарем» (с. 63—64).

Из перечня пройденных Обломовым предметов как будто следует, что учился он все же на юридическом отделении Московского университета — как младший Адуев в «Обыкновенной истории», как Борис Райский в «Обрыве». Александр Адуев, вспомним, изучал «богословие, гражданское, уголовное, естественное и народное права, дипломатию, политическую экономию...» (I, 215). На юридическом отделении Московского университета в те же годы, что Иван Гончаров, учился его старший брат Николай.¹ Однако в тексте «Обломова» в рассказе о годах учебы Ильи Ильича в Москве речь ни разу впрямую не идет об университете, названо только некое «заведение» — неотчетливо, обобщенно, без тех смысловых акцентов, которые очевидны в повествовании об университетских годах Штольца. Любопытно, как развивался мотив обломовского образования в черновых редакциях романа. В первоначальной редакции его первой части «заведение», куда Обломова определили шестнадцать лет, называлось то «школой», то «пансионом», то «училищем». Сравним: «Он волею или неволею выслушал курс наук в одной *школе*, куда его отдали шестнадцати лет» (V, 103); «Начальник *пансиона*, подписью своею на аттестате...» и т. д. (V, 109); «Он покинул *училище* с запасом сведений, которые в нашем разнохарактерном обществе могли ему доставить [титул] название образованного человека. <...> Но по мере того, как он удалялся от этого выхода из [училища] [школы] пансиона, познания его бледнели и испарялись» (Там же).

Гончаров учился на словесном отделении Московского университета с 1831 по 1834 год. Университетская тема во всех трех его романах не только имеет автобиографическую окраску, но и сохраняет тот открытый пиетет к университетскому образованию, который самое яркое выражение нашел в написанных Гончаровым в 1870-е годы воспоминаниях «В университете». В них студенческие годы предстают «лучшей порой жизни», определившей и биографию, и мирозерцание будущего писателя. «Мы, юноши, — признается он, — полвека тому назад смотрели на университет как на святилище и вступали в его стены со страхом и трепетом. <...> Наш университет в Москве был святилищем не для одних нас, учащихся, но и для их семейств и для всего общества. Образование, вынесенное из университета, ценилось выше всякого другого. Москва гордилась своим университетом, любила студентов как будущих самых полезных, может быть, громких, блестящих деятелей общества. Студенты гордились своим званием и дорожили занятиями, видя общую к себе симпатию и уважение» (7, 229). Будущий романист учился одновременно с Лермонтовым,

¹ См. о Н. А. Гончарове: *Трофимов Ж. А.* Брат романиста Николай Гончаров: Биогр. очерк. Ульяновск, 2007.

Белинским, Герценом, Николаем Станкевичем, Константином Аксаковым. Впрочем, знаком с ними он не был: «Перед нами были Герцен и Белинский в университете, но когда мы перешли на второй курс — их уже не было. Там были, между прочим, Станкевич, Константин Аксаков, Сергей Строев (впоследствии писавший статьи под псевдонимом Скромненко) и перешедший с нами из первого курса Боянский. С Белинским я познакомился уже в 1846 году, в Петербурге, а с Герценом виделся только один раз, мельком, когда он был короткое время в Петербурге, проездом за границу» (7, 237). «Между прочим, — замечает Гончаров-мемуарист, — тут был и Лермонтов, впоследствии знаменитый поэт, тогда смуглый, одутловатый юноша, с чертами лица как будто восточного происхождения, с черными выразительными глазами. Он казался мне апатичным, говорил мало и сидел всегда в ленивой позе, полулежа, опершись на локоть. Он не долго пробыл в университете. С первого курса он вышел и уехал в Петербург. Я не успел познакомиться с ним» (7, 236).

Характерен в университетских воспоминаниях Гончарова идиллический, бесконфликтно-мирный, «обломовский» колорит: «Наша юная толпа составляла собою маленькую ученую республику, над которой простиралось вечно ясное небо, без туч, без гроз и без внутренних потрясений, без всяких историй, кроме всеобщей и российской, преподаваемых с кафедр. Если же и бывали какие-нибудь истории, в которых замешаны бывшие до нас студенты, то мы тогда ничего об этом не знали» (7, 237).

Известно, какое значение имела университетская тема в прозе современников Гончарова — Герцена, Тургенева, Достоевского. Так, в тургеневских повестях и романах 1850-х годов одной из причин драмы «лишних людей», уездных Гамлетов, Чулкатуриных, Рудиных, становится умозрительное, головное, оторванное от российской действительности, наднациональное образование. Обойти эту тему Гончаров не мог. Однако у него она дана в иной плоскости, без социально-политической конкретности и духовно-психологической напряженности. Где учился Илья Ильич? — Где-нибудь, как-нибудь и чему-нибудь. В романе нет определенного ответа на этот вопрос. Выпускником Московского университета Гончаров своего главного героя сделать — очевидно — не решился.

Тот же принцип отстранения, релятивизации работает и при определении места службы, рода занятий, должности и чина Обломова. Илья Ильич, «дворянин родом», обладатель аттестата московского «заведения», обосновавшись в Петербурге, определяется «в должность», становится петербургским чиновником. Тема петербургского чиновничества — также одна из центральных литературных тем по меньшей мере двух современных «Обломову» десятилетий.

Вот начало пятой главы первой части: «Обломов, дворянин родом, коллежский секретарь чином, безвыездно живет двенадцатый год в Петербурге» (с. 55). И далее: «Обломов прослужил кое-как года два; может быть, он дотянул бы и третий, до получения чина, но особенный случай заставил его ранее покинуть службу» (с. 58). Какую-то нужную бумагу он отсылает вместо Астрахани в Архангельск. Не дождавшись «заслуженной кары», Обломов присылает на службу «медицинское свидетельство», в котором сообщает о припадках, происходящих «от ежедневного хождения в должность». Автор «свидетельства», то ли сам Илья Ильич, то ли его комический двойник, рекомендует больному «прекратить <...> хождение на службу» и предписывает «воздержание от умственного занятия и всякой деятельности» (с. 58). «Так кончилась — и потом уже не возобновлялась, — заключает повествователь, — его государственная деятельность» (с. 59).

Однако что в данном случае значат слова: «...может быть, он дотянул бы и третий, до получения чина»? Какой чин имеется в виду как результат всего лишь двухлетнего «хождения в должность»?

Коллежский секретарь — чин 10 класса по Табели о рангах, ему обычно соответствовала должность младшего помощника столоначальника в департаментах министерств. Чин Обломова свидетельствует либо о том, что он вышел из университета (или приравняемых к нему учебных заведений)¹ с ученой степенью кандидата — именно эта степень давала право на получение чина 10 класса при вступлении в государственную службу, либо о соответствующей выслуге лет. Однако упоминание о чине 10 класса Ильи Ильича вступает в очевидное противоречие с тем, что сообщается в романе о его нерадивом учении. Степени кандидата он получить никак не мог.

Характерно, что в рукописи романа было иное: «...губернский секретарь чином» (V, 79), т. е. имелся в виду более низкий чин — 12-го класса. Сам Гончаров окончил Московский университет со степенью действительного студента, дававшей право на получение при вступлении в службу именно этого чина. Согласно университетскому уставу, утвержденному в 1835 году, «удостоенные ученых степеней утверждаются, при вступлении в гражданскую службу, в следующих классах: доктор в 8, магистр в 9, кандидат в 10. Студенты, с успехом окончившие университетский курс, получают, на том же основании,

¹ О системе образования в России см.: *Раскин Д. И.* 1) Образование и учебные заведения в России XIX — нач. XX вв. // Русские писатели: 1800—1917. М., 1999. Т. 4. Прил. С. 674—680; 2) Специализация высшей российской бюрократии XIX — начала XX в.: Образование, профессиональный опыт, продвижение по службе // Из глубины времен. СПб., 1994. Вып. 3. С. 29—42; *Егоров Б. Ф.* Образование. Учебные заведения // Из истории русской культуры. М., 1996. С. 277—319.

12 класс».¹ Родовые дворяне, вступавшие в службу без всякого чина — «канцелярскими служителями», первый чин (14 класс) получали по истечении двух лет службы.² По утвержденному в 1834 году «Положению о порядке производства в чины по гражданской службе»: «Имеющие ученые аттестаты высших учебных заведений производятся, при доброй нравственности и похвальной службе, за выслугу лет: из 14 в 12 класс чрез 3 года. Из 12 в 10 класс чрез 3 года. <...> Имеющие вышеозначенные аттестаты могут быть представляемы за особые отличия: из 14 в 12 класс чрез 2 года. Из 12 в 10 класс чрез 2 года».³

Продолжительность службы Обломова («...прослужил кое-как года два...») «канцелярским чиновником»⁴ не дает как будто права на получение чина. По тем данным, которые есть в тексте романа, определить происхождение чина Ильи Ильича невозможно.

Наконец, еще один сюжет — иного плана, но также по-своему загадочный. Он связан с фольклорным образом Милитрисы Кирбитьевны — «доброй волшебницы», «неслыханной красавицы» — именно эти определения присутствуют в тексте романа.

Впервые имя Милитрисы Кирбитьевны возникает в «Сне Обломова» и затем, так же как и целый ряд других мотивов «Сна», — отраженно, резонантно, в качестве сюжетной рифмы — в четвертой части романа, в идиллии на Выборгской стороне, где Обломов обретает сказочный мир детства, погружаясь в реализовавшийся детский сон. В «Сне Обломова» Милитриса упоминается в следующем контексте: «Там есть и добрая волшебница, являющаяся у нас иногда в виде щуки, которая изберет себе какого-нибудь любимца, тихого, безобидного, другими словами, какого-нибудь лентяя, которого все обижают, да и осыпает его, ни с того ни с сего, разным добром, а он знай кушает себе да наряжается в готовое платье, а потом женится на какой-нибудь неслыханной красавице Милитрисе Кирбитьевне. <...> Взрослый Илья Ильич хотя после и узнает, что нет медовых и молочных рек, нет добрых волшебниц, хотя и шутит он с улыбкой над сказаниями няни, но улыбка эта не искренняя, она сопровождается тайным вздохом: сказка у него смешалась с жизнью, и он бессознательно грустит подчас, зачем сказка не жизнь, а жизнь не сказка. Он невольно мечтает о Милитрисе Кирбитьевне; его всё тянет в ту сто-

¹ ПСЗ. Т. 10. Отд. 1. С. 851.

² Там же. Т. 2. Отд. 1. С. 896.

³ Там же. Т. 9. Отд. 1. С. 659. См. подробнее: *Евреинов В. А.* Гражданское чиновничество в России: Ист. очерк. СПб., 1887. С. 43—49; *Шепелёв*. С. 166—188.

⁴ Приехавшему к нему с визитом преуспевающему чиновнику Судьбинскому Обломов говорит: «Гм! Начальник отделения — вот как! <...> Поздравляю! Каков? А вместе канцелярскими чиновниками служили. Я думаю, на будущий год в статские махнешь» (IV, 21).

рону, где только и знают, что гуляют, где нет забот и печалей; у него навсегда остается расположение полежать на печи, походить в готовом, незаработанном платье и поесть на счет доброй волшебницы» (с. 116).

В четвертой части романа Милитриса Кирбитьевна является Илье Ильичу в грезах — во время его обычного послеобеденного лежания в доме Пшеницыной, когда он впадает «в неопределенное, загадочное состояние, род галлюцинации»: «На человека иногда нисходят редкие и краткие задумчивые мгновения, когда ему кажется, что он переживает в другой раз когда-то и где-то прожитой момент. <...> Он лениво, машинально, будто в забытии, глядит в лицо хозяйки, и из глубины его воспоминаний возникает знакомый, где-то виденный им образ. Он добирался, когда и где слышал он это... И видится ему большая темная, освещенная сальной свечкой гостиная в родительском доме, сидящая за круглым столом покойная мать и ее гости: они шьют молча; отец ходит молча. Настоящее и прошлое слились и перемешались. Грезится ему, что он достиг той обетованной земли, где текут реки меду и молока, где едят незаработанный хлеб, ходят в золоте и серебре... Слышит он рассказы снов, примет, звон тарелок и стук ножей, жмется к няне, прислушивается к ее старческому, дребезжащему голосу: „Милитриса Кирбитьевна!“ — говорит она, указывая ему на образ хозяйки» (с. 481—482).

Кто же эта добрая волшебница?

Милитриса Кирбитьевна — героиня лубочной повести (сказки) о Бове Королевиче. Авантюрно-рыцарский сюжет повести о Бове-королевиче, возникший в средневековой Франции, приобрел популярность во многих странах Европы. На Руси он известен с середины XVI века: «...на русской почве это произведение <...> постепенно теряло облик переводного рыцарского романа, превращалось в любовную авантюрную „гисторию“ с элементами богатирства». ¹ Если в XVIII веке повесть о Бове «входила в круг чтения высших социальных слоев», то к концу века она «„спустилась“ к провинциальному дворянству, мелким чиновникам, разночинцам, купцам и даже крестьянам. Тогда же <...> начали выходить печатные издания повести о Бове, значительно фольклоризованные и русифицированные <...>. Повесть регулярно переиздавалась, <...> ее популярность поддерживалась широкой известностью (за счет фольклорных версий и лубочных картинок) и давностью». ² В XIX веке «Повесть о Бове Королевиче» широко бытовала в России и как сказка, и как лубочный роман.

¹ Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси: Бова, Петр Златых Ключей. М., 1964. С. 48.

² Рейтблат А. И. Глуп ли «глупый милорд»? // Лубочная книга / Подгот. текста, сост., вступ. ст., коммент. А. И. Рейтבלата. М., 1990. С. 9—10.

Во всех известных вариантах повести о Бове (рукописных, лубочных, сказочных) «прекрасная Милитриса» — мужеубийца, классическая фольклорная «злодейка». Влюбленная в королевича Дадона, Милитриса по воле своего отца Кирбита выходит замуж за старика Гвидона. Старого мужа она в стоворе с Дадонем убивает, чтобы затем соединиться со своим возлюбленным. Сын Милитрисы от Гвидона — королевич Бова, вынужденный из-за жестоких преследований матери покинуть королевство, мстит ей за убийство отца и прелюбодеяние.¹ Коллизия повести близка гамлетовской, не случайно В. К. Кюхельбекер использовал образ Милитрисы в фарсе «Нашла коса на камень» (1839), представляющем собой переделку шекспировской пьесы «Укрощение строптивой». У Кюхельбекера хан Кирбит имеет «двух красавиц-дочерей: старшую, строптивную и злую Меликтрису, и младшую, кроткую, послушную Роксану». Сюжет фарса выстраивается как «укрощение» Меликтрисы.²

Имена героев лубочной повести о Бове всем знакомы по сказке Пушкина (который использовал имена, но не коллизию). Устойчивое, сохранявшееся на протяжении двадцати лет творчества внимание Пушкина к этому сюжету — от лицейского отрывка «Бова» (1814) к «планам» поэм и сказок на ту же тему 1822, 1825 и 1834 годов — неоднократно было предметом исследования в пушкиноведении.³ В. А. Кошелев обратил внимание и на очевидную для Пушкина (как и для Кюхельбекера) близость «бродячего» сюжета лубочной повести и шекспировского «Гамлета».⁴

Повесть о Бове в XIX веке перелагал Радищев, упоминания о ней есть у Герцена, Тургенева, Толстого, Лескова.⁵ В «Автобиографии» (1858) Гончаров вспоминал, как в детстве, «находя в лакейской в доме у себя сказки о Еруслане Лазаревиче, Бове Королевиче и другие, читал и их» (7, 217).

Фольклорный прототип — Милитриса Кирбитьевна — не позволяет однозначно интерпретировать образ «хозяйки» Агафьи Матвеевны, делая его двуплановым, амбивалентным. Агафья и спасает Обломова («добрая волшебница»), и губит его («зловещая» Милитриса, мужеубийца). «Узнавание» Обломовым во сне-галлюцинации

¹ Царь Кирбит действует и в популярной сказке о Еруслане Лазаревиче, однако в ней дочь царя Кирбита только упомянута, она не названа Милитрисой.

² См.: *Левин Ю. Д.* Шекспир и русская литература XIX века. Л., 1988. С. 68.

³ См.: *Цяловский М. А.* «Бова (Отрывок из поэмы)» // Цяловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 90—104; *Фомичев С. А.* Пушкин и древнерусская литература // *РЛ*. 1987. № 1. С. 24—25; *Кошелев В. А.* 1) Пушкин и Бова Королевич // *РЛ*. 1993. № 4. С. 17—34; 2) Пушкин: История и предание. СПб., 2000. С. 108—159.

⁴ *Кошелев В. А.* Царь Дадон и принц Датский // *РЛ*. 2004. № 2. С. 138—145.

⁵ В «Соборных», например, барыня Плодомасова отзывается о женской прислуге: «Все эти Милитрисы Кирбитьевны влохчут, да в гостиницах по коридорам расхаживают, да знакомятся...» (*Лесков Н. С.* Собр. соч.: В 11 т. М., 1957. Т. 4. С. 140).

в Агафье Милитрисы возникает в девятой главе четвертой части именно тогда, когда Штольц, посетивший друга, пытается в последний раз вытащить его из «ямы» и осознает, что перед ним «отверзлась бездна», воздвиглась «каменная стена». «Не напоминай, не тревожь прошлого: не воротишь! — произносит Илья Ильич. — <...> Я прирос к этой яме большим местом: попробуй оторвать — будет смерть» (С. 484).

Усомнившись в возможности негативной интерпретации образа «праведной» Агафьи Матвеевны, В. И. Мельник, исследовавший сюжет о Милитрисе, предположил, что Гончаров мог опираться на какой-то услышанный в детстве от няни «поволжский вариант сказки о Бове», в котором главная героиня могла быть представлена в ином освещении.¹ Последнее, однако, даже в качестве гипотезы маловероятно: В. Д. Кузьминой были учтены и исследованы все инварианты данного сюжета — вплоть до бытовавших в XX веке.² В широко бытующих фольклорных сюжетах варьируются подробности, но функции центральных персонажей остаются неизменными. Любопытно также, что в ряде относящихся к XIX веку лубочных переработок сказки о Бове встречается персонаж по имени Мухояр, противник Бовы.³ К нему, вне сомнения, восходит фольклорная фамилия «брата» Агафьи Матвеевны — Ивана Матвеевича Мухоярова.

Тот факт, что Милитриса в «Повести о Бове» не возлюбленная, не жена, а мать главного героя, привел английских исследователей «Обломова» А. и С. Лингстад, также обративших внимание на фольклорный протосюжет, к выводу о наличии в романе квазиинцестуального мотива.⁴ Слияние двух образов — Агафьи Матвеевны и матери Обломова — определяется прежде всего укорененным в национальной традиции представлением о женской любви. Ее фольклорная и литературная традиция изображают как «сострадательную любовь, материнскую или по тембру близкую к материнской», как «источник материнской жалости».⁵ Психоаналитических подтекстов здесь очевидно неспособность Ильи Ильича к взрослению, его вечно дрящящая детскость.

Нет необходимости лишний раз говорить о значении мифопоэтических мотивов как во «Сне Обломова», так и во всем романе. Однако фольклоризм Гончарова, как отмечают исследователи его творчества, недостаточно изучен. Мифологические и фольклорные сюжеты и

¹ Мельник В. И. И. А. Гончаров и русская литература: (Фольклор, литература Средневековья, литература XVIII века). Ульяновск, 1999. С. 21—22.

² См.: Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси. С. 17—132.

³ См.: Там же. С. 90.

⁴ Lyngstad A., Lyngstad S. Ivan Goncharov. N. Y., 1971. P. 89.

⁵ Аверлицев С. С. Крещение Руси и путь русской культуры // Контекст. 1990: Лит.-теор. исследования. М., 1990. С. 71.

мотивы в его прозе многообразны и разноприродны: здесь и античная, и библейская мифология, и русский фольклор, и средневековая книжность. Сложность состоит в характере взаимодействия, взаимопереплетения этих мотивов, в разнообразии их функций. Как правило (и рассмотренный выше случай это подтверждает), они не имеют аксиологической устойчивости и определенности, даются в разной тональности — лирической, патетической, иронической, пародической. Все это так или иначе создает двойные смыслы и недосказанности, характерные для гончаровских текстов.

И. А. ГОНЧАРОВ

ОБЛОМОВ

РОМАН
В ЧЕТЫРЕХ ЧАСТЯХ

Статья и примечания
А. Г. Гродецкой

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПУШКИНСКИЙ ДОМ»

Санкт-Петербург
2012